

50 chinenia
СОЧИНЕНІЯ

Книжка V. F. Odoevskago
КНЯЗЯ В. Ө. ОДОЕВСКАГО.

—
Multum magnorum virorum iudicio
credo, aliquid et meo vindico.

SENECÆ Ep. xlv. 3.

—
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—
РУССКІЯ ПОЧТ.

Издана в **ПЕНИНГРАДСКАЯ**
Издана книгопродавца Степанова.

БИБЛИОТЕКА

плот. Лассала, 3

—
5685-7

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

—
1844.

Верено 1936 г.

Июль 1939

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Января 20 дня 1844 года.

Цензоръ А. Никитенко.

73:05

PG-3337

03

1844

v. 1

Во всѣ эпохи душа человѣка стремленіемъ неодолимой силы, невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается во глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливаетъ сего стремленія, ни житейскія печали и радости, ни мятежная дѣятельность, ни смиренное созерцаніе; сіе стремленіе столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходитъ независимо отъ воли человѣка, подобно физическимъ отправлениямъ; проходятъ столѣтія, все поглощается временемъ: понятія, нравы, привычки, направленіе, образъ дѣйствованій; вся прошедшая жизнь тонетъ въ недостигаемой глубинѣ, а чудная задача всплываетъ надъ

утопшимъ міромъ ; послѣ долгой борьбы, сомнѣній , насмѣшекъ — новое поколѣніе подобно прежнему, имъ осмыслимому, испытуетъ глубину тѣхъ же таинственныхъ стихій ; теченіе вѣковъ разнообразить имена ихъ , измѣняетъ и повліяніе обь оныхъ , но неизмѣняетъ ни ихъ существа, ни ихъ образа дѣйствія ; вѣчно-юныя, вѣчно-моцныя, онѣ постоянно пребываютъ въ первозданной своей дѣйственности, и ихъ дивная гармонія внятно слышится посреди бурь, столь часто возмущающихъ сердце человека. Для объясненія великаго смысла сихъ великихъ дѣятелей, естествоиспытатель вопрошаетъ произведенія вещественнаго міра , сіи символы вещественной жизни, историкъ — живые символы внесенные въ лѣтописи народовъ , поэтъ — живые символы души своей.

Во всѣхъ случаяхъ, способы изслѣдованія, точка зрѣнія , пріемы могутъ быть разнообразны до безконечности : въ оствествопознаніи , одни принимаютъ всю природу, во всей ея общности, за предметъ своихъ изслѣдованій, другіе — гармоническое построеніе

одного отдѣльнаго организма; такъ и въ поэзіи.

Въ исторіи встрѣчаются лица вполне символическія, которыхъ жизнь есть внутренняя исторія данной эпохи всего человѣчества; встрѣчаются происшествія, разгадка которыхъ можетъ означить, при извѣстной точкѣ зрѣнія, путь, пройденный человѣчествомъ по тому или другому направленію; не все досказывается мертвою буквою лѣтописца; не всякая мысль, не всякая жизнь достигаетъ полнаго развитія, какъ не всякое растеніе достигаетъ до степени цвѣта и плода; но возможность сего развитія тѣмъ не уничтожается; умирая въ исторіи, оно воскресаетъ въ поэзіи.

Въ глубинѣ внутренней жизни, поэту встрѣчаются свои символическія лица и происшествія; иногда сими символами, при магическомъ свѣтѣ вдохновенія, дополняются историческіе символы, иногда первые совершенно совпадаютъ со вторыми; тогда обыкновенно думаютъ, что поэтъ возлагаетъ на историческія лица какъ на очистительную

жертву свои собственныя прозрѣнія, свои надежды, свои страданія; напрасно! поэтъ лишь покорялся законамъ и условіямъ своего міра; такая встрѣча есть случайность, могущая быть и не быть, ибо для души, въ ея естественномъ, т. е., вдохновенномъ состояніи, находятся указанія вѣрнѣйшія, нежели въ пыльныхъ хартіяхъ всего міра.

Такимъ образомъ могутъ существовать отдѣльно и слитно историческіе и поэтическіе символы; тѣ и другіе истекаютъ изъ одного источника, но живутъ разною жизнію; одни — жизнію не полною, въ тѣсномъ мірѣ планеты, другіе — жизнію безграничною, въ безконечномъ царствѣ поэта; но — увы! и тѣ и другія хранятъ внутри себя подъ нѣсколькими покровами завѣтную тайну, можетъ-быть недостижимую для человѣка въ сей жизни, но къ которой ему позволено приближаться.

Не вините художника, если подъ однимъ покровомъ, онъ находитъ еще другой покровъ, по той же причинѣ, почему вы не обвините химика, зачѣмъ онъ съ перваго ра-

за не открылъ самыхъ простыхъ, но и самыхъ отдаленныхъ стихій вещества имъ изслѣдуемаго. Древняя надпись на статуѣ Изиды: «никто еще не видалъ лица моего» донывъ не потеряли своего значенія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности.

Вотъ теорія автора; ложная или истинная — это не его дѣло.

Еще нѣсколько словъ о формѣ того сочиненія, которое называется *Русскими ночами*, и которое, вѣроятно, наиболѣе подвергнется критикѣ: авторъ почиталъ возможнымъ существованіе такой драмы, которой предметъ была бы не участь одного человѣка, но участь общаго всему человѣчеству ощущенія, проявляющагося разнообразно въ символическихъ лицахъ; словомъ, такой драмы, гдѣ бы не рѣчь, подчиненная минутнымъ впечатлѣніямъ, но цѣлая жизнь одного лица служила бы вопросомъ или отвѣтомъ на жизнь другаго.

За симъ, и безъ того уже слишкомъ длиннымъ теоретическимъ изложеніемъ, автору

кажется излишнимъ входить здѣсь въ дальнѣйшія объясненія; сочиненія, имѣющія притязаніе на названіе эстетическихъ, должны сами отвѣчать за себя, и преждевременно защищать ихъ полнымъ догматическимъ изложеніемъ теоріи, на которой онѣ основаны, было бы напраснымъ оскорбленіемъ правъ художника.

Авторъ не можетъ и не долженъ окончить сего предисловія не сказавъ «спасибо» лицамъ, которыхъ совѣтами онъ воспользовался, равно и тѣмъ, которыя напши его сочиненія до-сихъ поръ разсѣявныя по разнымъ журналамъ, достойными перевода, въ особенности знаменитому берлинскому литератору Фарнгагену фонъ Элизе, который посредн непрерывной, благородной своей дѣятельности, передалъ своимъ соотечественникамъ въ изящномъ переводѣ, далеко превосходящемъ подлинникъ, нѣкоторыя изъ произведеній автора сей книги.

На трудномъ и странномъ пути, который проходитъ человѣкъ, попавшій въ очарован-

ный кругъ, называемый литературнымъ, изъ котораго нѣтъ выхода, отрадно слышать отголосокъ своимъ чувствамъ между людьми, намъ незнакомыми, отдаленными отъ насъ и пространствомъ и обстоятельствами жизни.

РУССКІЯ ПОЧТ.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura
Che la diritta via era smarrita.

DANTE *Inferno.*

Lassen sie mich nun zuvörderst gleich-
nissweise reden! Bei schwer begreiflichen
Dingen thut man wohl sich auf diese Weise
zu helfen.

GOETHE'S *Wilhelm Meisters Wanderjahre.*

ДРУЗЬЯМЪ ЖИВЫМЪ И ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ УМЕРШИХЪ.

ПУГГЕРІА НОЧІ.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura
Che la diritta via era smarrita.

DANTE *Inferno.*

Lassen sie mich nun zuvörderst gleich-
nissweise reden! Bei schwer begreiflichen
Dingen thut man wohl sich auf diese Weise
zu helfen.

GOETHE'S *Wilhelm Meisters Wanderjahre.*

бурею, смертью грозитъ человѣку, — здѣсь, черезъ два вершка, блестящія люстры, хрупкія вазы, весенніе цвѣты, всѣ удобства, всѣ прихоти восточнаго неба; климатъ Италіи, полунагія женщины, равнодушная насмѣшка надъ угрозами природы, — и Ростиславъ невольно поблагодарилъ въ глубинѣ души того умнаго человѣка, который выдумалъ строить домъ, вставлять рамы и топить печи. «Что было бы съ нами,» разсуждалъ онъ, «еслибы не случилось на свѣтъ этого умнаго человѣка? Какихъ усилій стѣяло человѣчеству достигнуть весьма простой вещи, на которую обыкновенно никто не обращаетъ вниманія, то есть жить въ домъ съ рамами и печами?» — Эти вопросы нечувствительно напомнили Ростиславу сказку одного его пріятеля, которая начинается, кажется, со времени изобрѣтенія огня и оканчивается сценою въ гостиной, гдѣ нѣкоторые люди находятъ весьма похвальнымъ, что въ просвѣщенной Англіи господа ремесленники ломаютъ и жгутъ драгоценныя машины своихъ хозяевъ. Общество первобытныхъ обитателей земли, окутанныхъ въ звѣриныя шкуры, сидитъ на голой землѣ вокругъ огня; имъ горячо спереди, имъ холодно сзади, они проклинаятъ дождь и вѣтеръ и смѣются надъ однимъ изъ чудаконъ, который пытается сдѣлать себѣ крышку, потому что, разумѣется, ее безпрестанно сноситъ вѣтеръ. Другая сцена: люди сидятъ уже въ лачугѣ; посреди разложенъ костеръ, дымъ встѣ глаза, вѣтромъ разноситъ искры; надобно смотреть за